

Ю. С. Дюшен

Дневник
петроградского
чиновника

1917–1918

Издательский центр
«Воевода»

Москва
2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6 + 63.3(2)6
Д98

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Научные рецензенты:

А. А. Иванов, доктор исторических наук, профессор кафедры
Новейшей истории России Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета;
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета
телекоммуникаций имени М. А. Бонч-Бруевича

Идея издания Ю. Х. Тотрова

Издательская программа Фонда «Связь Эпох»

Дюшен Ю. С.

Д98 Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 гг. / науч. ред. Р. Г. Гагкуев;
науч. коммент. Р. Г. Гагкуева при участии Ю. С. Пыльцына, И. Д. Кравчука; предисл.
Ю. С. Пыльцына; послесловие Ю. Х. Тотрова. – М. : Издательский центр «ВОЕВОДА»,
2020. – 392 с.

ISBN 978-5-9907253-0-0

Впервые публикуемый в полном объеме дневник петроградского чиновника
Ю. С. Дюшена подробно рассказывает о завершающем периоде Великой российской
революции 1917 г. и начальном периоде Гражданской войны. Хронологически днев-
ник охватывает события одного года жизни его автора – с сентября 1917 по сен-
тябрь 1918 г. В дневнике зафиксированы кульминационные события Великой рос-
сийской революции и начальный период Гражданской войны. Записи петроградца
охватывают почти полностью первый год советской власти (записи начинаются не-
задолго до Октябрьского вооруженного восстания; заканчиваются незадолго до пер-
вой годовщины советской власти).

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6 + 63.3(2)6

ISBN 978-5-9907253-0-0

© Гагкуев Р. Г., коммент., 2020
© Пыльцын Ю. С., предисл., коммент., 2020
© Тотров Ю. Х., послесл., 2020
© ИП Евдокимова А. А., оригинал-макет, 2020
© «Издательский центр «ВОЕВОДА», издание, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. С. Пыльцын</i> Дневник Ю. С. Дюшена: автор и эпоха	7
<i>Ю. С. Дюшен</i> Дневник Сентябрь 1917 – сентябрь 1918	25
Примечания	217
<i>Ю. Х. Тотров</i> Юрий Дюшен в паутине британской секретной службы. Из истории современной публикации дневника	335
Именной указатель	347

Трудно переоценить вклад источников личного происхождения в историческую науку. Они позволяют взглянуть как на исторические события, так и на повседневность прошлого со многих ракурсов. Особое место среди таких источников занимают дневники. В них авторы не только фиксируют собственный опыт и личное участие в происходивших событиях, но и закрепляют память о своем времени и своей жизни в тот или иной период¹. Личные документы дополняют имеющиеся документальные источники и, что более важно, являются способом проверить и проанализировать «официальную» версию исторических событий².

Введение в научный оборот дневников по истории Великой российской революции и Гражданской войны в сравнении с другими источниками происходит довольно редко. Большинство публикуемых по этой тематике нарративных источников представляют собой воспоминания их очевидцев, написанные многие годы спустя³. И если дневники политических и военных деятелей еще представляют собой более-менее значимый массив, то ежедневные записи рядовых очевидцев событий, как правило, большая редкость. Среди первых можно назвать прежде всего дневниковые записи известного публициста и общественного деятеля М.О. Меньшикова, политика и государственного деятеля П.Н. Милюкова, писателя М.М. Пришвина, генералов А.П. Будберга, М.Г. Дроздовского, С.Л. Мар-

¹ Тартаковский А.Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3. С. 112–125. См. также: Приймак Н.И., Валегина К.О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник СПб., 2018.

² Сосранова З.В., Хубулова С.А. Эго-документы как исторический источник по Первой мировой войне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 117.

³ См. подробнее: Щукин Д.В. Революционный 1917 год в России – реакция на события и образ повседневности в дневниках и воспоминаниях политических деятелей эпохи: от кадетов до монархистов // Журнал региональной истории. 2017. Т. 1. № 4. С. 58–75.

кова, Ф.Я. Ростковского, В.И. Селивачева, А.Е. Снесарева¹ и ряда других. Среди немногочисленных вторых в конце 1990 – начале 2000-х гг. в научный оборот были введены дневниковые записи «матери-хозяйки» Э.О. Бруцкус (жены экономиста и историка народного хозяйства Б.Д. Бруцкуса), М.И. Воронкова (в 1917 г. – студента и выпускника школы прапорщиков), солдата В.А. Мишнина, «среднего москвича» служащего Н.П. Окунева, гимназистки Н.А. Финогеевой^{II} и др.

Представленный в этом издании источник нацелен прежде всего на фиксацию происходивших событий. Его отличает отсутствие какой-либо редакторской правки со стороны автора или доверенного ему лица. Повествование о себе занимает меньшую часть текста, хотя, конечно, сообщения о бытии автора, о его самочувствии присутствуют. Но большая часть дневника посвящена описанию происходящих событий, при этом автор часто лишь упоминает или перечисляет их, опуская подробное изложение. И это становится понятным, если учесть контекст: на рубеже 1917–1918 гг. события, известия, слухи наваливались на обывателя в огромном количестве. Зачастую ежедневная запись начинается с фиксации заголовков газет (наиболее читаемой была газета «Новое время») и пересказа наиболее заинтересовавших автора воспоминаний новостей. Днев-

¹ *Меньшиков М.О.* Дневник 1918 года // Российский архив (История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 1993. Вып. 4. С. 11–222. О дневнике Меньшикова см.: *Криволапова Е.М.* Дневник М.О. Меньшикова 1918 года как свидетельство катастрофы России // *Литературоведческий журнал.* 2017. № 41. С. 153–171; *Дневник П.Н. Милокова, 1918–1921* / сост., коммент. Н.И. Канищева. М., 2005; *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. М., 1991; *Будберг А.П.* Дневник белогвардейца. Колчаковская эпопея / ред. П.Е. Щеголева. М., 1929; *Он же.* Дневник. 1917–1919. М., 2016; *Дроздовский М.Г.* Дневник / [предисл., коммент, науч. ред. Р.Г. Гагкуев]. М., 2017; *Гагкуев Р.Г., Ушаков А.И.* «Я верю, что все будет хорошо, но боюсь – какой ценой?». Выдержки из дневника генерала С.Л. Маркова за 1917 г. // *Связь эпох. Исторический альманах.* 2018. № 1. С. 65–86; *Ростковский Ф.Я.* Дневник для записывания (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001; *Генерал В.И. Селивачев.* Дневники. 1901–1917 гг. Т. 1: 1901–1914 гг.; Т. 2: Январь – июль 1915 г. / обр. и адапт. текста, коммент. О.Н. Хлестов. М., 2019; *Снесарев А.Е.* Дневник: 1916–1917 / подг. текста, предисл. и указат. А.А. Комиссаровой; вступ. ст. В.К. Белозерова. М., 2014.

^{II} *Бруцкус Э.О.* «Ну, полно мне загадывать о ходе истории...» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») / сост. Н.Л. Рогалина, В.Л. Телицын // *Отечественная история.* 1997. № 3. С. 76–95; *Воронков М.И.* Интеллигент и эпоха: Дневники, воспоминания и статьи (1911–1941 гг.) / сост., вступ. ст. и коммент. А.О. Никитина. Рязань, 2013; *Мишнин В.А.* «Такое ведь счастье, остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата, 1 октября 1915 г. – 29 января 1918 г. // *Земство.* Пенза, 1995. № 2. С. 84–157; *Окунев Н.П.* Дневник москвича. Т. 1: 1917–1920; Т. 2: 1921–1924. М., 1997; *Финогеева Н.А.* «Когда я пишу в дневнике все, что у меня на душе, я как-то успокаиваюсь...». Из дневника гимназистки, 22 февраля 1915 г. – 6 мая 1921 г. / публикация Е.В. Мануйловой и В.И. Мануйлова // *Земство: Архив провинциальной истории России.* Пенза, 1995. № 3. С. 43–61.

ник велся автором в тетради большого формата. Нередко Ю. С. Дюшен делал сразу несколько записей (видимо, по мере получения информации), датируя их одним днем. Чистые строки и страницы между записями свидетельствуют о том, что он оставлял место для последующего уточнения событий или попросту для записей за пропущенные дни. Дневник велся неравномерно – подробнейшие описания первых месяцев власти большевиков сменяются большими пробелами в изложении событий лета 1918 г.

Прежде всего необходимо остановиться на личности самого автора. Для этого, в свою очередь, потребуется изложить историю публикации источника, так как изначально он не был подписан и определить автора, казалось бы, не представлялось возможным.

К ноябрю 1918 г. большинство иностранных посольств в Петрограде было закрыто, и в городе остались всего три дипломатические миссии: шведская, датская и норвежская. Норвежская миссия в это время представляла интересы шестнадцати других дипломатических миссий и посольств, в том числе и английского. Но незадолго до того, как закрылось английское посольство, один из сотрудников, который получил дневник из рук автора, обратился к норвежскому инженеру Христиану Христиансену, вскоре после этого вернувшемуся в Норвегию, с просьбой взять с собой дневник и сохранить его для будущего. Таким образом рукопись дневника попала в Норвегию^I.

До 1971 г. она находилась среди личных бумаг инженера Х. Христиансена, который, по всей видимости, не знал русского языка. После этого еще 14 лет рукопись хранилась в архиве университета города Осло, пока не была передана в библиотеку, где на дневник обратили внимание Е.П. Нильсен и Б. Вайль. Впервые небольшая часть дневника была опубликована в 1986 г. в сборнике трудов Славяно-балтийского института при университете в Осло^{II}.

Через год появилась перепечатка в эмигрантском журнале «Грани» под названием «Русская революция глазами петроградского чиновника. Из дневника 1917–1918 гг.». В ней были воспроизведены записи с 25 октября (7 ноября)^{III}

^I *Вайль Б., Нильсен Е.П.* Дело прошлое // *Нева.* 1990. № 10. С. 191.

^{II} *Новожилов А., Белозерова Н.* К вопросу об авторстве «дневника петроградского чиновника» // *Наша родословная. Генеалогические исследования А. Новожилова и Н. Белозеровой:* [электронный ресурс]. Режим доступа: http://novbelgen.net/index.php/article_5_Diary (дата обращения: 02.08.2019).

^{III} Даты событий в предисловии и комментариях к дневнику, касающихся периода с сентября 1917 г. по январь 1918 г., приведены по Юлианскому (старому стилю) и Григорианскому (новому стилю) календарям. Начиная с февраля 1918 г. даты событий приводятся по Григорианскому календарю, введенному с 1 февраля 1918 г. в РСФСР Советом народных комиссаров.

по 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.), но при этом не были отмечены сокращения текста дневника за разные дни. Публикация в «Гранях» не имела обширного научно-справочного аппарата, однако в ней были помещены небольшие комментарии: переведены иноязычные фразы, даны очень краткие биографические справки (М.В. Бернацкий, В.Н. Коковцов, В.Р. Менжинский и др.), пояснялись топографические объекты (например, месторасположение Кредитной канцелярии, в которой служил автор дневника) и т. д. Однако автор дневника указан не был, как не была поднята проблема атрибуции источника. Дневник подавался как анонимный без каких-либо оговорок.

В 1990 г. дневник был вновь напечатан — в ленинградском журнале «Нева» (№ 8–12) под заголовком «Глазами петроградского чиновника»¹. Представленные читателю выдержки из этого источника начинались с 16 (29) сентября 1917 г. и заканчивались 3 сентября 1918 г. Здесь также были даны переводы иностранных слов и фраз, встречающихся в дневнике, и краткие биографические справки об упоминаемых исторических деятелях.

Несмотря на уже третью публикацию дневника в 1990 г., он так и не был полностью введен в научный оборот. Если в первых двух публикациях охватывался лишь небольшой по времени отрывок дневника с октября по декабрь 1917 г., то в третьей — формально полной по хронологии — печатались записи не только не за все дни, но и с большими сокращениями. Записи за какие-то дни представлялись публикаторам интересными и приводились полностью, другие давались в сокращении, без каких-либо указаний работы с авторским текстом, третьи вовсе опускались без каких-либо оговорок. В результате в научный оборот к настоящему времени введено около трети источника.

В восьмом номере «Невы», с которого начиналась публикация дневника в 1990 г., говорилось, что он «буквально свалился на редакторский стол», и сразу же признавалось, что источник «пока считается анонимным»². В следующем номере журнала писатель и журналист Б.Л. Неплох предположил, что дневник мог принадлежать Сергею Константиновичу Бельгардту. Однако он не утверждал это наверняка: «Так что же, автор дневника Сергей Константинович Бельгард? В письме из Норвегии скандинавские ученые-русисты Енс Петтер Нильсен и Борис Вайль, готовившие к публикации рукопись дневника, поддержали мою версию. Но здесь все-таки лучше пока

¹ Русская революция глазами петроградского чиновника. Из дневника 1917–1918 гг. // Грани. 1987. № 46. С. 258–287.

² Нева. 1990. № 8. С. 191–195; № 9. С. 202–208; № 10. С. 191–198; № 11. С. 200–204; № 12. С. 195–200.

³ Дело прошлое // Нева. 1990. № 8. С. 191.

поставить знак вопроса, потому что прямых доказательств нет, и вряд ли они могут отыскаться»³.

В десятом номере журнала «Нева» была помещена пространная статья норвежских публикаторов Е.П. Нильсена и Б. Вайля, где подробно излагалась история появления дневника в Норвегии и давалась характеристика дневнику как историческому источнику. В статье авторы в целом соглашались с версией Б.Л. Неплоха: «Нам представляется, что она не лишена оснований: Сергей Константинович Бельгард вполне мог быть тем, кто вел этот дневник»⁴.

Относительно самого дневника Нильсен и Вайль предупреждали читателей, что не стоит преувеличивать значение данного источника, отмечая, что «дневник — это часто пространное изложение декретов советской власти, хода Брестских мирных переговоров и так далее. Все это, без сомнения, свидетельствует о живом интересе автора к современности, но отсутствие его личного отношения к событиям превращает многие — опущенные нами — страницы дневника в скучное чтение»⁵. Публикаторы определили автора как «убежденного монархиста» и сделали важное наблюдение: «...Уже в марте 1918 г. в нем [дневнике] звучат ноты, которые напоминают сменовеховские идеи»⁶. В целом Вайль и Нильсен сделали вывод, что «страницы этого дневника дышат трагизмом эпохи и побуждают к размышлениям»⁷.

В двух последних номерах «Невы», в которых публиковался дневник, ему не предшествовали уже никакие вступительные статьи. Казалось, гипотеза о том, что автор дневника С.К. Бельгардт, прочно укоренилась и, по выражению исследователей А.А. Новожилова и Н.В. Белозеровой, «пошла в народ»⁸. Еще одну попытку привести аргументы в пользу того, что дневник принадлежал С.К. Бельгардту, сделала Е.Г. Боннэр в своей книге о родословии академика А.Д. Сахарова⁹. Однако через несколько лет А.А. Новожилов и Н.В. Белозерова оспорили авторство Бельгардта и выдвинули аргументированную версию, что автором дневника был статский советник в звании камер-юнкера Георгий (Юрий) Сергеевич Дюшен¹⁰. Поскольку каких-либо гипотез, оспаривающих выводы исследователей, приведено не было, то можно сказать, что

¹ Неплох Б.Л. Дело прошлое // Нева. 1990. № 9. С. 202.

² Вайль Б., Нильсен Е.П. Указ. соч. С. 191.

³ Там же. С. 192.

⁴ Там же. С. 192, 193.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Новожилов А., Белозерова Н. Указ. соч.

⁷ Подробнее о методах идентификации автора Б.Л. Неплоха и Е.Г. Боннэр см.: Новожилов А., Белозерова Н. Указ. соч.

⁸ Новожилов А., Белозерова Н. Указ. соч.

⁹ Новожилов А., Белозерова Н. Указ. соч.

атрибуция дневника, сделанная Новожиловым и Белозеровой, была принята научным сообществом.

Что же мы знаем об авторе дневника?

Георгий Сергеевич родился 11 июля¹ 1883 г. в Санкт-Петербурге в семье мичмана флота (в будущем адмирала) Сергея Петровича Дюшена (1857–1918) и дочери капитана 1-го ранга Анны Николаевны Дюшен, урожденной Зыбиной (? – после 1917). Был крещен 28 июля в церкви при Демидовском доме призрения трудящихся на набережной реки Мойки, 108. Восприемниками были записаны его дядя, потомственный почетный гражданин Петр Петрович Дюшен, и жена капитан-лейтенанта флота Екатерина Николаевна Феодосьева^{II}.

С 1892 г., когда глава семьи был переведен в Главный морской штаб, располагавшийся в здании Адмиралтейства, Дюшены сняли квартиру неподалеку – в доме Александра Михайловича Вонлярлярского на Галерной улице, 26. В этом доме семья проживала вплоть до 1918 г.^{III}

С апреля 1895 по апрель 1898 г. Георгий учился в 8-й Петербургской гимназии в 3–5-м классах, но 5-й класс не закончил вследствие болезни^{IV}. В августе 1898 г. поступил в 5-й класс гимназии Карла Мая на Васильевском острове. Ее полный курс Георгий окончил в 1902 г. и был награжден серебряной медалью (средний балл 4,75). В аттестации об ученике гимназии Георгии Дюшене сказано: «За время пребывания в гимназии был отличного поведения, из класса в класс переходил одним из первых»^V. В том же году он был принят в Императорское училище правоведения^{VI}. Окончив его в 1905 г., Георгий поступил на службу чиновником IX класса в Министерство финансов. В дальнейшем – статский советник, камер-юнкер (1908), с 1915 г. – чиновник особых поручений V класса Министерства финансов, исполняющий обязанности

¹ Как отмечают А.А. Новожилов и Н.Н. Белозерова, в других более поздних документах встречается ошибочное написание – 11 июня. Похоже, что на каком-то этапе (скорее всего, при поступлении Георгия в 8-ю гимназию) при копировании выписки из метрической книги была сделана типичная описка «июль – июнь», приведшая к «смене месяца». Эта дата потом стала перетекать из одного документа в другой, пока при подаче прошения о принятии в Императорское училище правоведения ошибку не заметил отец и не приписал сверху: «11 июля 1883 г.» (Цит. по: Новожилов А., Белозерова Н. Указ. соч.)

^{II} Валиева Н.Б. Георгий Сергеевич Дюшен // Виртуальный проект «Общество друзей Школы Карла Мая»: [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ktau.ru/sample_pers.phtml?n=1082 (дата обращения: 07.08.2019).

^{III} Там же.

^{IV} Там же.

^V Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 255. Л. 330–332; Д. 397. Л. 99–104.

^{VI} Валиева Н.Б. Указ. соч.

секретаря министра финансов!. Отметим, что после окончания Училища правоведения Георгий стал называться более «демократичным» именем Юрий. Это поначалу привело даже к путанице: при первом его «появлении» в адресных книгах Санкт-Петербурга (1906) он одновременно был указан дважды под обоими именами по одному адресу. В дальнейшем мы будем именовать Дюшена новым именем.

За время своей службы Дюшен не раз был отмечен наградами: помимо различных памятных медалей, он имел иностранные ордена – кавалерский крест французского ордена Почетного легиона, бухарский орден Золотой звезды (иное название – орден Благородной Бухары) II степени, японский орден Восходящего солнца IV степени, персидский орден Льва и Солнца III степени, черногорский орден Князя Даниила I IV степени. Подробности жизни Дюшена после революции более подробно описаны в помещенном в настоящем издании очерке Ю.Х. Тотрова, и здесь стоит лишь отметить, что после 1929 г. его след теряется.

Дневник Дюшена начинается с записи от 16 (29) сентября 1917 г. старого стиля и заканчивается 4 сентября 1918 г. уже по новому стилю^{II}. Часто, начиная с 1 (14) февраля («...с сегодняшнего дня вводится новый стиль. Первое умное мероприятие СНК»), Дюшен писал двойные даты (например, предпоследняя запись в дневнике датирована 3 сентября / 21 августа), но последняя запись датирована только новым стилем.

В дневнике часты повторения. Об одном и том же событии Дюшен мог упоминать два дня подряд или через день-два после первой фиксации. Автор, по всей видимости, писал урывками, не перечитывал прошедшие записи и не всегда помнил, что и когда написал. На повторные упоминания в ряде случаев влияла пресса – некоторые газеты писали о событии позже, чем остальные, другие, следя за важными событиями, ежедневно повторялись.

Каким же человеком предстает нам автор дневниковых записей? Как он смотрел на происходящие события? Отметим, что дневник является редким свидетельством того, как на советскую власть и ее мероприятия смотрели, в общем-то, критически к ней настроенные люди. Во многом мы можем экстраполировать чувства Дюшена и на тот социальный слой, который он представлял, – среднее чиновничество, штатская интеллигенция.

^{II} Валиева Н.Б. Указ. соч.

^{III} К настоящему времени полная версия рукописи дневника Ю.С. Дюшена выложена на сайте норвежской Национальной библиотеки (Nasjonalbiblioteket) и доступна в электронном виде: Ms. 83416 Dushen, Jurij Sergejvitsj; Russland. Dagbok skrevet i Petrograd 16. Sept. 1917–4. sept. 1918. Режим доступа: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digimanus_74083 (дата обращения: 09.08.2020).

Но начинается дневник еще с эпохи Временного правительства. Сентябрь 1917 г. — подавлено Корниловское выступление, Россия провозглашена республикой, но между тем стремительно продолжается падение дисциплины в армии, политическая дезинтеграция страны, развал экономики, снижение уровня жизни населения. Временное правительство пытается удержаться у власти, но эти попытки зачастую напоминают предсмертные судороги. Правительство не знает, на кого опереться: крайне левые партии не собирались сотрудничать с «буржуазным Временным правительством», военные после «Декларации прав солдата» и разгрома Корниловского выступления также дистанцируются от него.

Как же относится к правительству Дюшен? Крайне скептически. А к министру-председателю Временного правительства — А.Ф. Керенскому — даже враждебно, с ненавистью. Вся эта ненависть прорывается после свержения правительства: «Остальные министры арестованы ночью в Зимнем дворце и, говорят, порядком избиты. Так им и надо, достаточно натворили глупостей, пускай теперь расплачиваются. Жаль, что Керенский удрал, а не повешен»; «Терещенко сильно избит. Поделом» [запись за 26 октября (8 ноября) 1917 г.]; «Убита г-жа Слуцкая, член Петр[оградской] гор[одской] думы, в то время, когда она выступала с зажигательными речами перед войсками Керенского. Туда ей и дорога» [запись от 31 октября (13 ноября) 1917 г.]; «В воскресенье опять мерзавец Керенский учинил подлость... Я об одном мечтаю — видеть Керенского повешенным» [запись от 1 (14) ноября 1917 г.]; «Есть слух о самоубийстве Керенского. Я лично слуху этому не верю — такие подлые эгоисты не стреляются. <...> Действительно, всем, всем, всем имя его ненавистно» [запись от 2 (15) ноября 1917 г.].

По дневнику видно, что политическая борьба последних месяцев 1917 г. представляется Дюшену борьбой «плохого» и «очень плохого». При этом сам автор не может определиться, кто же хуже. С одной стороны, 31 октября (13 ноября) Дюшен пишет: «Я предпочитаю Ленина, открытого врага Керенскому, этому волку в овечьей шкуре», — но все равно большевики для Дюшена являются «антинародными комиссарами» [запись от 18 ноября (1 декабря) 1917 г.].

К Учредительному собранию Дюшен также относится крайне скептически. Более того, радуется его разгону («Как хорошо, что Учредилка разогнана») и демонстрации в его защиту («В честь Учредилки собралась манифестация с[оциалистов]-р[еволюционеров], с[оциал]-д[емократов] и проч. На Кирочной и Пантелеймоновской красногвардейцы стреляли в толпу. Надо было видеть, как все ринулись враспынную, побросали стяги и красные плакаты. Большевики ликуют, и я тоже. Довольно много убитых»).

Описывает Дюшен и важные политические события конца 1917 — начала 1918 г. В частности, велико его негодование по случаю подписания Декрета о мире и по поводу начала сепаратных переговоров с противником, приведших к Брестскому миру. Дюшен называет переговоры с врагом «предательством родины и демократии всех союзных стран» [запись от 15 (28) ноября 1917 г.] и «позорищем земли русской» [запись от 10 (23) ноября 1917 г.], а самого главноверха Крыленко — «главноразлагающим, а не главнокомандующим» [запись от 14 (27) ноября 1917 г.].

Но даже в этих условиях Ю.С. Дюшен не теряет чувства юмора: «Что такое анархия: когда всем, всем, всем можно делать все, все, все. Скоро всем, всем, всем дадут по шее!» [запись от 8 (21) декабря 1917 г.]. Впрочем, юмор этот с долей меланхолии. Такие же чувства вызывает история о том, что в Москве были арестованы во время представления клоуны Бим и Бом и в костюмах увезены в неизвестном направлении (запись от 23 марта 1918 г.)..

К концу 1917 г. Дюшен, однако, впадает в пессимистический фатализм: «То, что теперь происходит, неминуемо должно было случиться... Если бы сам Николай Угодник и все святые ангелы с ним явились бы править нашей несчастной страной, неумолимой судьбы, роковой и катастрофической, они не могли бы предотвратить» [запись от 7 (20) ноября 1917 г.]; «Кто бы теперь ни находился у власти — теперешние бедствия были неизбежны, они являются результатом ошибок многих лет, отсутствием образования, а главное — дисциплины и добросовестности у русских людей» [запись от 9 (22) ноября 1917 г.]. И в конце концов, в Рождественский сочельник 1917 г. Дюшен подводит скорбный итог: «Россия как единое целое навсегда умерла».

Но по прошествии времени — в марте 1918 г. — в дневнике звучат и иные мотивы: «Мне решительно все равно, какое будет правительство, какую политику оно будет вести, лишь бы можно было спокойно жить и работать». Летом 1918 г. мы видим уже другие настроения: «Ход революции ничем не остановить. Как мне казалось еще полгода тому назад, она приняла стихийный характер, и, помнится, я писал тогда, что ни в какую успешную контрреволюцию не верю. Пока страна не переболеет от охватившего ее всеобщего безумия и полной распущенности (а вовсе не свободы), до тех пор у нас будет продолжаться полный кавардак, кто бы ни был у власти. Только за последнее время проявляются признаки отрезвления, после того как революция углубилась до деревни, до восстановления бедноты против кулаков и богатеев; тут-то она и завязнет» [запись от 18 августа 1918 г.]. Фатализм остался. Но уже чувствуется надежда: может быть, страна скоро «переболеет» революцией? Может быть, скоро все это закончится?

Часто останавливается Юрий Сергеевич на описании быта. Прежде всего это дороговизна и нехватка продовольствия: «За весь ноябрь будет отпущено по ¼ ф[унта] коровьего масла, ¼ ф[унта] растительного или ¼ ф[унта] сала на человека» [запись от 29 октября (11 ноября) 1917 г.]; «Картофель стоит 1 р[убль] фунт, свежая капуста – 70 коп[еек]. Цены неслыханные» [запись от 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.)]; «На рынках отсутствие продуктов. Свекла – 1,50 [рубля] фунт, картофель – 2 р[убля] фунт» [запись от 6 марта 1918 г.]¹.

Описывает автор и свое самочувствие: «Такая апатия охватывает, и развивается неврастения, что трудно на час сосредоточиться и отметить последовательно новости и перипетии последнего времени» (запись от 1 августа / 19 июля 1918 г.); «Постоянно сильная слабость и апатия; часто не могу заставить себя пойти куда-нибудь, а вместо этого лежу на диване» (запись от 18 августа 1918 г.).

Быт самого автора был неотделим также и от шагов новой власти, чьи реформы касались буквально каждого жителя страны. Пишет Ю.С. Дюшен и о большевистском терроре («Расстреляно шесть офицеров, захваченных на Миллионной, 34 – за составлением противосоветских прокламаций» [запись от 6 марта 1918 г.]), который в том числе затронул и его лично: «В ночь на субботу (31-е) арестовали папу» (запись от 2 сентября 1918 г.).

При этом Дюшен признает и положительные меры нового правительства. Помимо уже упоминавшегося одобрения перехода на новый стиль, он «от души приветствует» расформирование женских батальонов смерти [запись от 9 (22) ноября 1917 г.] и фиксирует, что Военно-революционный комитет объявил строгую борьбу против пьянства и бесчинств [запись от 26 ноября (9 декабря) 1917 г.].

Большое внимание Дюшен уделяет экономическим мероприятиям новой власти. Он часто пишет о банковских операциях (покупки акций, ограничения на выдачу средств и т. д.) [см., например, записи от 31 октября (13 ноября); 9 (22) ноября; 6 (19) декабря 1917 г. и др.], об операциях с недвижимостью [записи от 16 (29) декабря; 17 (30) декабря 1917 г. и др.]. Впрочем, такое внимание к экономике и деньгам неудивительно, учитывая место службы Дюшена.

Пишет автор и о стремительно распадающейся империи. Описывая создание Центральной рады в Киеве, отделение Эстляндии, Крыма, в конце концов

¹ Это действительно серьезное подорожание, если учесть, что в 1913 г. в Москве (надо полагать, в Санкт-Петербурге в том же году цены были примерно на одном уровне) картофель продавался по 45 копеек за меру (мера – около 10 кг); капуста, правда, стоила 1 рубль 82 копейки, но за сотню кочанов! (Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906–1914. М., 2017. С. 450).

упомянув о том, что в Томске провозглашена отдельная Сибирская Республика, с сарказмом подытоживает: «Одной больше, одной меньше – не все ли равно для величия революционной России» [запись от 13 (26) декабря 1917 г.].

В дневниковых записях также достаточно четко просматриваются и общественно-политические взгляды автора. Редакция «Невы» характеризует его взгляды как «шовинистические»; А.А. Новожилов и Н.В. Белозерова пишут об «антисемитских взглядах» Дюшена^{II}. Действительно, из дневника очевидно, что автор не питает симпатии, в частности, к евреям. Например, Дюшен указывает, что в Смольном «все заправили жида» [запись от 2 (15) ноября 1917 г.], вплоть до предсказания, что «русская революция неминуемо закончится грандиозным жидовским погромом» (запись от 23 марта 1918 г.); такие погромы, «конечно, несмотря на всю их привлекательность для души, нельзя приветствовать разумом» [запись от 18 ноября (1 октября) 1917 г.]. Однако, кроме резких слов в отношении евреев, в своем дневнике автор не позволяет себе выражаться уничижительно о других национальностях. Даже повествуя о распаде империи, как мы писали выше, он не сыплет проклятиями в адрес «сепаратистов». Хотя 9 декабря 1917 г., упоминая о взятии Киева и Харькова большевиками, Дюшен радуется этому и пишет, что «украинцы еще зловреднее» большевиков, но в данном контексте Дюшен имеет в виду Центральную раду, а не киевских обывателей или малороссийских хлеборобов. Надо полагать, что обвинение в шовинизме с Ю.С. Дюшена следует все же снять.

О религиозной принадлежности Дюшена все публикаторы и комментаторы его дневника едины – он православный человек. Дневник это ярко показывает, и не только тем, что Дюшен фиксирует в своих записях важные для христианина дни (Сочельник, дни Страстной седмицы, упоминание о том, что на Пасху 2 мая 1918 г. «не буду красить яиц и делать пасху, ограничусь маленьким куличом»), но и тем, что он отмечает в дневнике важные исторические события для церкви. Дюшен пишет об избрании патриарха на Поместном соборе и добавляет, что «это церковное событие прошло совершенно незамеченным» [запись от 16 (29) ноября 1917 г.]. И впоследствии, описывая начинающуюся Гражданскую войну, Юрий Сергеевич делает примечательную запись: «О Патриархе Всея Руси тоже никто не думает» [запись от 8 (21) декабря 1917 г.]. Упоминает в своем дневнике он и попытку ограбления Александро-Невской лавры, и Крестный ход православных Петрограда в защиту святынь в 1918 г. [запись от 19 января (1 февраля) 1918 г.]. Конечно, как выпускник Училища

^I Дело прошлое // Нева. 1990. № 8. С. 191.

^{II} Новожилов А., Белозерова Н. Указ. соч.

правоведения, Дюшен пишет и о декретах советской власти, устанавливающих абсолютно новую систему церковно-государственных отношений. Он отмечает декрет об отделении церкви и государства [запись от 1 (14) декабря 1917 г.], указы об уничтожении военного духовенства [запись от 17 (30) января 1918 г.], об отмене религиозной присяги [запись от 19 января (1 февраля) 1918 г.], о национализации всего церковного имущества [запись от 21 января (3 февраля) 1918 г.].

Политические взгляды Ю.С. Дюшена у публикаторов также не вызывают сомнений: «убежденный монархист» («Нева», № 8), «приверженец старого режима и монархист» (Б. Вайль, Е.П. Нильсен [«Нева», № 10]), «монархист» (А.А. Новожилов, Н.В. Белозерова). Постараемся разобраться и в этом¹. Был ли Дюшен убежденным монархистом? Можно ли квалифицировать его, если не как члена Союза русского народа, то как близкого к этой партии по взглядам на персону монарха и самодержавную власть?

В пользу монархических взглядов автора говорит прежде всего то, что в его дневниках большое внимание уделяется известиям о судьбе членов Императорского дома. На конец 1917 г. царская семья находилась в Тобольске. Об этом писала официальная пресса того времени, не только столичная, но и региональная², и секрета в этом не было. Но уже в декабре 1917 г. в Петрограде начинают циркулировать упорные слухи о бегстве августейших узников. 12 декабря Дюшен пишет, что «царская семья пробирается на север, к побережью Ледовитого океана или к Чукотскому полуострову». Дюшен также отмечает, что в связи со слухами о бегстве царской семьи в Челябинск отправлено 500 матросов. Но сам Дюшен к таким рассказам относится скептически, записывая в дневнике: «Наверное, это все вздор». Уже на следующий день слухи обрастают новыми подробностями: царская семья бежит уже не на Чукотку, а в Америку! Дюшен верно замечает, что слух мог быть пущен большевиками специально, чтобы усилить свое влияние в Сибири, отправив туда несколько матросских отрядов. Но слухи о бегстве императорской семьи из Тобольска были устойчивыми — об этом говорили даже в начале марта 1918 г.

В конце марта появились новые слухи. Дюшен упоминает о том, что императрица Александра Федоровна обратилась в СНК с просьбой разрешить

¹ См. также: *Пыльцын Ю.С.* Дом Романовых в 1917/1918 г.: слухи и известия (по материалам дневника статского советника Г.С. Дюшена) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 1 (29). С. 174–193; *Он же.* Царская семья в 1917/1918 г.: слухи и известия на материалах дневника статского советника Г.С. Дюшена // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 48–55.

² См., например: *Шадринская жизнь.* 1917. № 43 (12 августа).

наследнику переселиться в один из южных городов «или в какую-нибудь санаторию», так как дальнейшее пребывание наследника в Сибири, по заключению врачей, является угрожающим для его жизни. Здесь у Дюшена нет даже намек на сомнение. Хотя, конечно, никакого обращения не существовало. 22 марта Дюшен фиксирует слухи о переезде царской семьи на Урал. Что интересно — слухи эти начали ходить по Петрограду как минимум за месяц до реального переезда в Екатеринбург. Только 1 апреля на заседании ВЦИК было решено перевести императора в Москву, а 6 апреля были внесены изменения — семью постановили отправить на Урал¹. Но как мы видим, слухи об Урале — как о месте ссылки царской семьи — витали в Петрограде уже с конца марта. И источник этих слухов не ясен. В той же записи от 22 марта Дюшен отмечает, что «наследник три недели лежит в постели». Цесаревич в феврале действительно повредил ногу и несколько дней лежал². Возможно, до Петрограда дошли слухи об этом инциденте, и, как это часто бывает, в преувеличенном виде.

2 апреля Дюшен сообщает еще один слух петроградских обывателей: будто бы граф В.Б. Фредерикс «составляет» мемуары о царствовании государя Николая II. После этой записи в дневнике Ю.С. Дюшена до августа 1918 г. нет никаких известий о семье императора. Только с 1 августа вновь появляются записи, посвященные судьбе царской семьи. Поскольку в официальных советских органах печати было сказано, что расстрелян был только «Николай Романов», а семья увезена в безопасное место, все остальное «додумали» слухи. Именно таким причудливым переплетением официальной советской дезинформации и слухов являются последующие записи в дневнике Дюшена. 1 августа он пишет, что императрица с детьми увезена на Богословские заводы. 15 августа в дневнике появляются фантастические слухи о том, что солдаты Чехословацкого корпуса устроили государю в Екатеринбурге торжественные похороны! При этом руководство чешского национального движения совсем не питало симпатии к Николаю II. Президент Чехословацкой Республики Т. Масарик откровенно говорил: «...Суть же вопроса в том, что наши легионы в Сибири ведь совершенно и не намеревались освободить царя»³. 15 августа Дюшен прочел опубликованный

¹ *Мультатули П.В.* Свидетельства о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование. М.; Екатеринбург, 2008. С. 255.

² Последние дневники императрицы А.Ф. Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г. / [сост., введ., коммент. В.А. Козлова, В.М. Хрусталева]. М., 2018. С. 132–134.

³ Цит. по: *Зайцов А.В.* 1918: Очерки истории русской Гражданской войны. М., 2015. С. 261.